

Золотое фэнтези

ЕКАТЕРИНА САВИНА

Клуб ОДИНОКИХ ЗОМБИ

Охотница на ведьм

Охотница на ведьм

Екатерина Савина

Клуб одиноких зомби

«Научная книга»

Савина Е. И.

Клуб одиноких зомби / Е. И. Савина — «Научная книга»,
— (Охотница на ведьм)

Это удивило даже выдавших виды врачей: в больницу доставлена женщина с черепно-мозговой травмой. И при первом же обследовании у нее обнаруживается шрам, какие только бывают после трепанации. Бедной женщине вскрывали череп, чтобы открыть третий глаз.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Екатерина Савина

Клуб одиноких зомби

Глава 1

Я никогда не думала, что скука – такое страшное чувство.

Теперь, когда я пролежала четыре дня на больничной койке в однокомнатной палате, я поняла, сколько негативных эмоций сопровождает состояние крайней скуки.

Я испытывала изнурительную тоску по своему дому и привычному распорядку дня. Почти круглосуточное возлежание на «каменной» подушке и ежедневное пробуждение в шесть часов утра для того, чтобы померить температуру и сдать анализы, стало настоящей пыткой. Теперь я мечтала о домашнем уюте как о высшей мере человеческого счастья.

К тоскливому чувству присоединилось и осознание собственного одиночества, поскольку дома, куда я так рвалась, меня никто не ждал. Я несколько лет назад приехала в Москву из небольшого города на Вятке, чтобы узнать, при каких обстоятельствах погибла в столице моя сестра – двойняшка Наталья. Это было его мистическим детективом. Моя сестра попала под влияние черного мага, настоящего сатаны в человеческом облики. Он и в Наталье раскрыл такие же черные магические способности и погубил ее... А я, напротив, обладала даром белого мага и волею судьбы стала охотницей на ведьм и ведьмаков. Я убедилась в том, что и женщины и мужчины в равной степени способны на то, чтобы использовать свои сверхъестественные силы для достижения самых темных целей. Мне всегда казалось странным, что в средние века обвиняли в колдовстве и сжигали на кострах исключительно представительниц слабого пола. По-моему, теперь, когда женщины отстаивали свои равные права с мужчинами, последние сгорали бы на кострах инквизиции не реже, чем первые.

Нет, я не назвала бы себя яркой феминисткой, просто сейчас от скуки и безделья я подводила итоги своей «инквизиторской» деятельности в Москве. Конечно, мое призвание охотиться на людей, использующих темные магические силы во зло, не означало, что мне чужды простые человеческие чувства. За эти несколько лет своей московской жизни я не один раз влюблялась, обманывалась и страдала как обыкновенная женщина. И мои экстрасенсорные способности и даже ясновидение не могли застраховать меня от несчастной любви и ослабить душевные переживания. Но я бы и не хотела, чтобы моя жизнь превратилась в нечто синтетическое и далекое от реальности.

Надо сказать, то сотрясение мозга, с которым я попала в институт имени Склифосовского, я получила, когда занималась очередным мистическим расследованием. Моим противником была Тамара – потомственная колдунья. Она создавала энергетических слепней и направляла их расправляться с людьми, которые при общении с ней и ее помощницей Лизой Савельевой проявляли жадность. Эти магические гигантские мухи «учили» своих жертв, они доводили их до полного обнищания.

Случилось так, что энергетические слепни напали на директрису страховой фирмы «Золотая саламандра», и та оказалась ни в состоянии оплатить счет за рекламный видеоролик агентству «Алькор», в котором я работала. Я пошла пробивать оплату счета и увидела магическую причину банкротства страховой фирмы. Естественно, я не могла не заняться расследованием, поскольку мое призвание совпадало еще и с моими профессиональными интересами.

Я так рьяно кинулась в бой с еще неведомой мне хозяйкой энергетических слепней, что забыла о необходимости принять какие-то меры предосторожности, и сразу же взяла удар на себя. Эти чертовы мухи прилипли и к моей энергетической оболочке, и я была обязана довести начатое до конца, иначе бы я превратилась в нищую бомжиху.

Почувствовав поддержку энергетических слепней во мне оживился чертик, который «гостил» в моем теле с самого рождения, но я о его существовании даже не подозревала, поскольку он был очень слаб и никогда ничем не выдавал себя. В присутствии слепней он заметно активизировался, можно сказать, что обнаглел до неприличия, и заставил меня выпрыгнуть из движущегося автомобиля. Меня без сознания доставили сюда, в институт имени Склифосовского, и врачи не давали ни одного очка за то, что я выживу. Да, тогда моя душа вылетела из физического тела. Возможно она полетела бы по темному коридору туда, где впереди горит свет и откуда уже не возвращаются, но она нашла другой путь, она его знала раньше. Я умела выходить в астрал. Мое Я отделялось от физической оболочки и путешествовало по бескрайним астральным просторам, находя ответы на поставленные вопросы.

Итак, моя душа просмотрела все свои предыдущие воплощения, а также свое последнее пристанище и пришла к выводу, что мне, Калиновой Ольге Антоновне, умирать еще рано, она вернулась, и я пришла в сознание. Я поняла, что не могу оставаться на больничной койке, пока не разделаюсь с энергетическими слепнями. Я сбежала из больницы, конечно, не без помощи своих друзей и своей способности становиться невидимой.

Как мне удалось остановить разрушительное действие чертовых гигантских мух, это – отдельная история. Важно лишь то, что я смогла довести задуманное до конца, правда с огромными энергетическими потерями. Мне пришлось вернуться в больницу. Во-первых, потому что я на самом деле была больна, я испытывала все то, что бывает с обыкновенными нормальными людьми после сотрясения мозга – тошноту, головокружение, а потом и головную боль. Слабость была такой, что я едва передвигалась самостоятельно, а перед глазами постоянно мелькали точки. Во-вторых, и это не менее важно для меня, во всю левую щеку у меня был огромный синяк, с которым я несколько дней не могла бы появиться на людях. В-третьих, в больнице остались мои документы и вещи, которые мне пришлось бы все равно как-то забирать. А в-четвертых, по-моему, мое появление здесь было запрограммировано моей судьбой. Я поймала себя на мысли, что обстановка этой палаты и лица медиков мне уже знакомы. Я не сомневалась, что видела все это когда-то в астрале.

Было еще одно интересное совпадение. Я несколько месяцев искала по всей Москве гонг североамериканских индейцев, но так и не могла его найти. Но о моем намерении приобрести этот гонг случайно узнала медсестра приемного отделения Людмила и сказала, что может мне его подарить. Ее покойный муж собирал музыкальные инструменты различных народов, и после его смерти Людмила расчищала квартиру, заваленную балалайками, волынками, цитрами, бубнами и тамтамами. Мне повезло, что гонг североамериканских индейцев еще не был передан ни в чьи, даже самые надежные и музыкальные, руки.

А мне он был очень нужен! После многочисленных мистических приключений я была вынуждена восстанавливать свои энергетические потери, но чувствовала, что мне не хватает воздуха. Я подсознательно ощущала, что в Московском воздухе нет чего-то очень важного для меня, причем этого не было и там, в городе моего детства и юности, на Вятке. После медитаций я поняла, что звуки гонга североамериканских индейцев могут таким образом активизировать силы Стихии Воздуха в окружающем меня пространстве, что мои энергозатраты восполнялись бы сами собой. Но я не успела найти гонг, и схватка с энергетическими слепнями выбила меня из строя, и я оказалась в этой больничной палате.

После этого, когда мое самочувствие улучшилось, а медики и больные обсудили со мной все известные им истории, связанные с действиями нечистой силы, я заскучала. Такое со мной произошло, наверное, первый раз за всю жизнь. Мне не разрешали читать и смотреть телевизор в холле, чтобы не загружать мозги, но думать-то мне запретить никто не мог, даже заведующий отделением профессор Волынский и мой лечащий врач Александр Геннадиевич Голявин.

О последнем надо сказать особо. Александр Геннадиевич работал над кандидатской диссертацией, название которой оказалось очень сложным для того, чтобы мой сотрясенный

головной мозг запомнил его. Я поняла только то, что Голявин считал и хотел доказать в одной из глав своей научной работы, что головной мозг людей, обладающих сильными экстрасенсорными способностями отличается от мозга нормальных людей.

Александр Геннадиевич был безмерно счастлив, когда я впервые попала в больницу, потому что ему очень нужны были результаты исследований именно таких пациентов – больных, но обладающих сверхъестественными способностями. Короче, я должна была стать для него «подопытным кроликом». Интересно и то, что Голявин догадался, что я именно такая пациентка, хотя я была еще без сознания.

Чтобы определить насколько пострадал мой головной мозг, да и все мое тело после падения из автомобиля, медики провели компьютерное исследование, результаты которого всех ошеломили. Все полученные параметры были нереальными. И внутричерепное давление и температура в различных частях тела были такими, которые ни теоретически, ни практически не могут быть у человека ни здорового, ни больного. Каково же было удивление медиков, когда я не только выжила, но и пришла в сознание, а потом и вовсе сбежала странным образом!

Александр Геннадиевич успел спросить у меня до побега, справедлива ли его догадка о том, что я обладаю паранормальными способностями. Я лично подтвердила ему этот факт и вскоре сбежала, не подумав о том, как разочарую этим будущего кандидата медицинских наук. Впрочем, я не только разочаровала Голявина, но и поставила под удар его диссертацию. Но стоило мне через несколько часов снова появиться в больнице, как Александр Геннадиевич воспрянул духом, он снова обрел надежду на успешное завершение своей кандидатской, и приложил максимум усилий, чтобы профессор Волынский закрыл глаза на нарушение мной постельного режима.

Только после моего второго возвращения в Склиф глубокое и всестороннее изучение моего брэнного тела с помощью самой современной медицинской диагностической аппаратуры не дало никаких сногшибательных результатов. Я, Калинова Ольга Антоновна, с медицинской точки зрения, была теперь самой обыкновенной пациенткой с сотрясением головного мозга средней тяжести.

Это обстоятельство заставило Голявина снова потерять надежду на завершение своей диссертации, кроме того он получил очередную порцию насмешек от своих коллег, не видящих никакой связи между экстрасенсорными способностями человека и его высшей нервной деятельностью, рефлексам и соотношением различных долей его головного мозга. А для меня это был еще один повод, чтобы заскучать, но не потому что мой мозг ничем не отличался от мозга других людей, а потому что я не могла помочь хорошему человеку. Я чувствовала, что Александр Геннадиевич хороший человек и недостоин насмешек от всяких самоуверенных бездарей.

Профессор Волынский Юрий Яковлевич был не в счет. Этот безвредный, умудренный опытом семидесятилетний старичок вполне терпимо относился к научным изысканиям Голявина, хотя считал их абсолютно бесперспективными.

Глава 2

– Ну, как дела, голубушка? – как-то по-семейному тепло спросил меня вчера вечером Юрий Яковлевич.

– Нормально, мне гораздо лучше, все эти системы мне очень помогли, – говорила я, немного преувеличивая реальное положение вещей, точнее, приукрашивая свое еще слабое состояние, потому что хотела отпроситься домой.

– На самом деле? – лукаво спросил профессор. – Вы, голубушка, доверяете традиционной медицине?

– Вы ко всем больным так ласково обращаетесь? – спросила я, слегка развеселившись.

– Ко всем, – ничуть не удивившись моему вопросу, ответил Юрий Яковлевич. – Вот, в соседней палате лежит Раечка, свет Аркадьевна. Она у нас уже не в первый раз «гостит»... Впрочем, мы сейчас о вашем, Олечка Антоновна, здоровье говорим. Вы, наверно, нас опять покинуть хотите, по своему жениху соскучились, да?

Профессор снова лукаво прищурил глаза, казалось, что он видит меня насквозь, даже лучше, чем вся имеющаяся в его арсенале диагностическая аппаратура. Он знал, что о моем полном выздоровлении говорить было еще рано, но я все равно мечтала поскорее выбраться отсюда. Я лихорадочно соображала, какой бы аргумент смог наверняка убедить Юрия Яковлевича, что дома мне будет лучше, чем здесь. Но я не успела ничего придумать, профессор вдруг стал серьезным и сказал:

– Я боюсь, что может быть рецидив. Все-таки после первого обследования... нет, я до сих пор не верю, что...

– Что я выжила? – неожиданно для самой себя спросила я.

Профессор утвердительно покачал головой, но вслух сказал другое:

– У меня сложилось определенное мнение о том феномене. Если вы, голубушка, признаете, что обладаете экстрасенсорными, ну, так сказать, сверхъестественными способностями, я готов вам поверить. Такие люди бывают, я не отрицаю... Кашпировский, Чумак, Ванга, их все знают. Но я думаю, что те параметры, которые тогда выдала техника не могли быть реальными. Просто ваши способности каким-то образом повлияли на эти приборы, и они дали сбой. Знаете, в присутствии моей тещи вся бытовая техника ломается...

Профессор задумался, и я поняла, он размышлял, стоит ли мне рассказать о своих семейных проблемах. В конце концов, он решил, что стоит, и продолжил тоном заговорщика:

– Надо признать, что моя теща – страшный человек, стоит ей, что либо сказать плохое, и это обязательно сбывается.

– Дурной глаз, – предположила я.

– Наверно. Вся техника в ее доме: и холодильники, и телевизоры, и стиральные машины, и даже многочисленные утюги ломались на второй или третий день после их приобретения, не выдерживая никаких гарантийных сроков. По этому в ее доме все, как минимум, в двух экземплярах. Пока один холодильник работает, другой в ремонте, только вернется он из ремонта, первый непременно сломается...

Мне показалось, что профессор ждал от меня совета, который помог бы его теще подружиться с бытовой техникой. Наверняка до Волынского дошли слухи, что практически весь средний и младший медицинский персонал его отделения, узнав о том, что я – ясновидящая, пытался решить с моей помощью свои житейские проблемы.

Медсестер и санитарок интересовало, есть ли на них порча.

Мне показалось странным, что каждая из них, независимо от возраста, семейного положения и внешних данных, считала себя жертвой колдовских манипуляций. Женщины, правда, по-разному ощущали на себе эти порчи, но все они обязательно произносили это слово.

Конечно, я была еще слаба, но просмотреть своим «третьим глазом» биополя этих мнительных женщин было для меня совсем несложно. Надо сказать, что только в энергетической оболочке одной из них я увидела черные пятна инородной структуры, говорящие о наведенной болезни, то есть о порче.

Это была старшая медсестра отделения Софья Николаевна. А еще я увидела, что в ее доме есть подклад – заговоренная английская булавка, спрятанная в обивке кресла. Я посоветовала Софье Николаевне аккуратно вспороть обивку, найти подклад и выбросить его. Старшая медсестра разочарованно фыркнула, сказав, что я несу полнейший бред, но на следующий день пришла с извинениями. Булавка была найдена и выброшена, и теперь Софью Николаевну интересовало кто, каким образом и зачем подложил негативно заряженную вещь в такое труднодоступное место, тем более кресло было почти новым. Мне без особых усилий пришел ответ на этот вопрос, но я не сочла нужным рассказывать Софье Николаевне все подробности этого мелкого колдовского хулиганства, тем более обращено оно было не конкретно против нее, а против того, кто купит это кресло. А известно мне стало то, что некая обивщица мягкой мебели закладывала в каждое девятое кресло отрицательно заряженную булавку, никакой выгоды она от этого не имела, а вот тот, кто покупал такое кресло, точнее, первым из домочадцев садился на него, становился «испорченным». Это было обыкновенным хулиганством, но с уклоном в черную магию. Простой хулиган от безделья бьет камнем окна и фонари, а хулиган, хоть немного владеющий черной магией, наводит безымянную порчу.

Если бы порча оказалась именной, то снимать ее последствия было бы сложнее, а так Софья Николаевна убрала подклад, и ее биополе очистилось само собой. Я сказала ей, что теперь бессонница и постоянное ничем необъяснимое чувство страха должны пройти.

Другие же женщины хотели услышать от меня подтверждение того, что во всех их неприятностях виноват кто-то другой, а не они сами. Если честно, то такая жизненная позиция мне самой не присуща, поэтому, наверно, уже третья подобная история стала раздражать меня. Но я понимала, если я скажу санитарке тете Любе, что она не такая уж большая фигура, чтобы все ставили ее в центр своего внимания, и наводили на нее порчу за то, что она, например, не вымыла полы под кроватью больного, то она просто бы не поверила и в отместку устроила мне какую-нибудь свою профессиональную «подлянку». Мне пришлось немного пофантазировать, рассказать тете Любе жуткую мистическую историю, в которой она была в главной трагической роли, а потом сделать несколько загадочных движений руками и сообщить, что отныне порча вернулась к ее автору.

Теперь вот и Юрий Яковлевич ждал, что я блесну своими экстрасенсорными способностями. Я закрыла глаза и в моем подсознании возник образ его тещи. Как ни странно, она выглядела моложе своего зятя, вероятно, жена профессора была лет на двадцать пять младше мужа. Почти сразу пришло и объяснение того, почему ломалась даже новая бытовая техника. Все началось с той поры, когда появились первые телевизоры еще со стеклянными линзами, наполненными водой, конечно, тогда они были еще не во всех домах. Желание иметь телевизор было настолько сильным и затмевающим другие жизненные проблемы, что его купили по блату с переплатой и без гарантии. Телевизор был с браком. Желание будущей тещи Волынского исполнилось, но не принесло должного удовлетворения. В результате в ее подсознании возникла установка – бытовая техника должна ломаться. А так как эта женщина от природы обладала сильной энергетикой, то эта установка срабатывала всякий раз, когда дома появлялись новые или отремонтированные телевизоры, холодильники или утюги.

– Знаете, Юрий Яковлевич, вашей теще надо просто пообщаться с психологом, и он поможет убрать из ее подсознания эту негативную установку, – подытожила я, а потом добавила. – Только вот за собой я никогда не замечала, чтобы от моего сознательного или подсознательного влияния техника давала сбой. Похоже, что тогда дело было в чем-то другом...

– В другом? – повторил за мной профессор. – Давайте, Олечка, свет Антоновна, будем рассуждать с Вами логически. Возьмем для примера самый простой параметр диагностического исследования – измерение температуры в различных органах и тканях. Вы были без сознания, пожаловаться ни на что не могли, а у нас были все основания предположить, что пострадала не только ваша головушка, но и какие-то внутренние органы. Могли запросто быть ушибы селезенки или левой почки, вы ведь на левый бок упали, так?

– Да, – ответила я, – во всяком случае синяк был на левой щеке.

Профессор утвердительно покачал головой так, будто он экзаменовал меня, и я ответила правильно.

– Это что у вас на тумбочке? Термометр? Давайте-ка его сюда.

Я с интересом взяла в руку градусник и подала его Волынскому, ожидая нового, более заковыристого вопроса.

– Скажите мне, голубушка, какая нормальная температура тела?

– Тридцать шесть и шесть, – не задумываясь, ответила я.

– Ну скажем так, от тридцати шести до тридцати семи бить тревогу не стоит. А скажите-ка мне, была ли у вас когда-нибудь повышенная температура тела и какая?

Я чувствовала, что экзамен пока в начальной стадии и самые сложные вопросы профессор оставил напоследок. Я немного напрягла память и вспомнила, что самой высокой была температура тридцать девять и девять десятых градуса, когда я болела гриппом. И, опережая следующий вопрос Волынского, назвала минимальную температуру своего тела, которую мне довелось когда-либо измерить. Она была равна тридцати пяти градусам. Я решила тогда, что лишканула с аспирином.

Юрий Яковлевич снова утвердительно качнул головой, а затем лукаво улыбнулся. Я поняла, что экзамен перешел в следующую стадию.

– Теперь посмотрите на термометр. Видите, им можно измерить температуру тела от тридцати четырех до сорока двух градусов, то есть с большой прикидкой от вашей минимальной и максимальной температуры. Если округлить, то у вас было сорок, сможете себе представить, что происходит с человеком, если у него сорок два?

Я попыталась что-то мимически изобразить на своем лице, но профессор продолжил:

– Вот именно, голубушка, – это лихорадка, бредовое состояние и долго оно продолжаться не может, а добавим еще несколько десятых градуса и кровь свернется, а мозги, скажем так, расплавятся. То есть, произойдут необратимые процессы, это понятно?

– Понятно, – без энтузиазма ответила я.

– А мне до сих пор ничего не понятно, – признался Волынский. – У вас четыре дня назад была зафиксирована в одной области головного мозга именно такая температура – сорок два с копейками, с тенденцией к повышению, а вот, простите, в прямой кишке – сначала тридцать пять, потом тридцать четыре и даже ниже, значительно ниже...

Профессор замолчал, и я поняла, что он готовился задать мне свой главный вопрос.

– Вы, Олечка, свет Антоновна, понимаете, что это было очень похоже на окоченение нижней части тела?

– Наверно, очень похоже, но это было все-таки не окоченение, – не слишком уверенно, скорее на оценку «четыре», сказала я, даже не подозревая, что следующий вопрос приведет меня в шок своей нелепостью.

– Скажите, голубушка, – пряча от меня свои глаза, проговорил Волынский. – Поймите, я уже слишком стар, мне семьдесят четыре года, из них тридцать три года я проработал в этом отделении, я очень многое видел в своей жизни, а в прошлом году сам пережил клиническую смерть... Мне уже ничего не страшно, кроме лжи. Я не боюсь никаких бандитов, но я не хочу, чтобы меня обманывали... Я не хочу, чтобы меня вводили в заблуждение... Я все-таки профессор, Лауреат Государственной премии... Меня приглашали читать лекции в Америке, даже

практиковать там... Я очень прошу вас, голубушка, признайтесь мне, что тогда без сознания были не вы, а ваша сестра-двойняшка, ее каким-то образом вывезли отсюда, а вместо нее потом вернулись в больницу вы. Ведь так?

Профессор обратил на меня выжидающий проникновенный взгляд, заставляя почувствовать угрызения совести. Я даже не могла осмелиться рассказать Юрию Яковлевичу версию, наконец-то оформившуюся в моей травмированной голове, поскольку она была вовсе не той, какую хотел услышать профессор. Я молчала и разглядывала белые стены палаты.

– Я не осуждаю вас за то, что вы, Олечка, свет Антоновна, не ответили на мой вопрос. Наверно, у вас были веские причины, чтобы так поступить и теперь молчать. Отпустить сейчас вас домой я не могу, правда, если вы намерены бежать, то лучше скажите мне.

– Нет, я больше никуда не сбегу, – обнадеживающе пообещала я.

– Спасибо, – леденящим сердце голосом проговорил Волынский. – Еще как минимум четыре дня вам придется побыть под нашим наблюдением... Отдыхайте.

Юрий Яковлевич встал со стула и, больше не глядя на меня, вышел из палаты. Я осталась в полной растерянности. Ситуация была наиглупейшей, поскольку я ничем не могла доказать, что я – это я, Калинова Ольга Антоновна. Я с глубоким уважением относилась к профессору Волынскому и вовсе не хотела его обидеть. Но скорее всего люди, обладающие исключительными экстрасенсорными способностями, отличаются чем-то от всех остальных, а Юрий Яковлевич не хотел этого признавать.

Я вспомнила, что всякий раз после выхода в астрал и серьезных сеансов ясновидения, когда мое Я блуждало по далекому прошлому или еще не свершившемуся будущему, я ощущала именно то, о чем говорил профессор Волынский. Сразу после возвращения моего Я в физическое тело я чувствовала, что моя голова «горела огнем», а ноги, напротив, были как лед. Правда, такое состояние продолжалось недолго, и уже минут через пять все возвращалось в норму. Мне никогда не приходило в голову в это время измерять температуру своего тела, обычно я анализировала увиденное в астрале. Хотя, даже если бы я поставила обычный градусник под мышку, он бы, наверно, показал нормальную температуру. Это здесь в больнице была очень сложная аппаратура, которая с высокой точностью определяла температуру во всех внутренних органах.

Можно было бы рассказать об этом профессору, но на слово он мне все равно бы не поверил. А выходить в астрал без особой надобности и тем более в моем еще болезненном состоянии было очень опасным. Оставался только один выход – смириться со сложившимися обстоятельствами, то есть скучать.

Глава 3

Вчера вечером был еще один визит в мою палату, причем менее приятный, чем визит чересчур вежливого профессора.

У меня была одна отрада – сотовый телефон, по которому я могла поболтать со своими друзьями. И вот я жаловалась Даше, что мне до понедельника придется «наслаждаться» смешанным запахом йода и хлорки, а также непонятно зачем каждое утро собирать в майонезную баночку мочу для анализа.

– Ольга, ну это не так страшно, – успокаивала меня Даша.

– Главное, что тебе становится лучше. Прости, что я сегодня не смогла прийти к тебе, понимаешь...

– Я все понимаю, Даша, у тебя своя личная жизнь, и ты не можешь посвящать каждый вечер мне...

Дверь в палату открылась, и на пороге появился врач, которого я несколько раз видела во время утренних обходов, но как его зовут, я не знала.

– Здесь запрещено пользоваться мобильниками, вовсе не запрещающим тоном сказал он, прошел вперед и бесцеремонно уселся на мою койку.

Я инстинктивно спрятала ногу под простынку и поправила рукой свой халатик. На наглом лице врача появилась усмешка.

– Заканчивай разговор, быстренько, – самодовольно произнес он. – Нам есть, что обсудить.

– Я тебе перезвоню, – сказала я Даше и отключила телефон.

Наверно я не могла скрыть своего недовольства от столь позднего вторжения в мои покои непрошеного гостя, потому что он, сморщившись, попытался передразнить меня. Я почувствовала, что во мне появилась ненависть к этому человеку. Я не могла сориентироваться, как мне себя с ним вести, но уже знала, что ничего хорошего ждать от него не стоит.

– Радиоволны от мобильного могут повлиять на медтехнику. Признайся, Калинова, что-то подобное ты тогда и использовала. Я догадался, что ты в сговоре с Сашкой Голявиным. Так ведь? – самоуверенно спросил меня неожиданный гость в костюме цвета бриллиантовой зелени.

На меня свалилась очередная нелепая версия, объясняющая зашкаливающие показания медицинских приборов. Мне совсем не хотелось говорить с ним ни об этом, ни о чем другом в столь поздний час. У меня вообще было ощущение нереальности происходящего, но только до тех пор, пока он не положил свою руку на мою коленку, накрытую простыней. Он сделал это как бы невзначай, но в его глазах промелькнул огонек живого интереса, как яотреагирую на его выходку. Если честно, то в первый момент я растерялась от такого поворота событий. С опозданием в несколько секунд я поняла, что этого «самца» вовсе не интересовали мои исключительные экстрасенсорные способности. «Напрасно он видит во мне только молодую привлекательную женщину, а я ведь еще и экстрасенс! Со мной, подобные шуточки могут быть опасными», – не без иронии подумала я.

Не получив решительного отпора, а скорее всего он его и не ждал, потому что был сто процентно уверен в своей мужской привлекательности, наглый врач стал поглаживать мою ногу и, резко поменяв тему разговора, с воодушевлением сказал:

– Мне вчера анекдот рассказали... Девушка приходит к гинекологу и говорит...

– Вы что мне анекдоты пришли сюда на ночь глядя рассказывать, – резко прервала я и отшвырнула его мускулистую руку.

Врач расхохотался, увеличивая во мне зародившуюся ненависть и присоединяя отвращение к своей персоне. По его слащавому самоуверенному лицу читалось, что для него всегда и везде приоритетным вопросом является удовлетворение своих плотских наслаждений,

а ночные дежурства в больнице, тем более, не должны быть проведенными без таких радостей жизни. Клятва Гиппократ и этикет были для него, наверняка, скучнейшими понятиями, непомерно осложняющими жизнь и искусственно увеличивающими дистанции между врачом и пациентом, мужчиной и женщиной.

Как подтверждение моих догадок, он сказал, перестав смеяться:

– Я могу и без анекдота. Обычно девушкам нравится, как я их рассказываю, им вообще все во мне нравится...

– А мне ничего, – вырвалось у меня само собой.

– Ты просто не успела меня узнать, Леночка, – вкрадчивым голосом произнес он и приблизил свою самодовольную морду к моему лицу, вероятно, намереваясь поцеловать.

– Никакая я не Леночка! – возмутилась я, отстраняясь.

– Да? А кто ты? – ничуть не смутившись, спросил он. – Фамилия – Калинова, это я помню. Татьяна, что ли?

Я выиграла немного времени, чтобы обдумать свой дальнейший ход. Сказать, что завтра пожалуюсь на его недостойное поведение профессору, по-моему, было глупо. Пощечину он расценил бы скорее всего как проявление страсти, и она возымела бы обратный эффект. «Плюнуть в его морду, нет, так только дразнить в нем зверя, – размышляла я. – Можно закричать, чтобы сюда сбежались люди. Нет, он так, конечно, от меня отстанет, но я окажусь в дурацком положении...»

– Ольга! Я вспомнил ты – Ольга... Олечка...

Он снова приблизился ко мне, на этот раз еще ближе. Я почувствовала гремящую смесь запахов – сигарет с ментолом, терпкого одеколона и... хлорки. Это заставило меня от души рассмеяться. «Запах хлорной извести никаким даже самым дорогим одеколоном не перебьешь, а больницу не превратишь в бордель», – успела подумать я, прежде чем он отреагировал на мой смех.

– Неужели я опять ошибся? Не может быть, ты дурачишь меня, сладкая моя, – просящим голосом произнес он, но более приблизиться ко мне не посмел.

Напротив, он резко встал, отстранено посмотрел на меня и сказал:

– Я забыл, у меня в третьей палате тяжелый больной, а ты мне здесь голову морочишь...

Медик поспешно вышел. А я подумала: «Хорошо, что я не только женщина, но и экстрасенс. Мне оказалось достаточно вложить в свою мысль один энергетический заряд, и между мной и этим сексуально озадаченным дежурным врачом возникла невидимая для обычного глаза стена».

Эта спасительная мысль, использовать свои экстрасенсорные способности, пришла в мою больную голову, потом куда-то исчезла и я снова вспомнила об этом в самый последний момент. Да, зачастую, когда дело касалось моих личных проблем, я забывала, в чем моя сила, и вспоминала о возможностях магии и биоэнергетики, когда накал страстей достигал критической точки.

Я ничуть не торжествовала. Этот пошлый инцидент был ничтожно малым по силе и значимости, по сравнению с моими охотами на ведьм. Распровавшись с темными силами, я всегда чувствовала моральное удовлетворение. А после этого совсем непродолжительного общения с медиком – бабником я ощутила себя неимоверно «грязной». Мне хотелось отлежаться в ванне с обильной пеной, потом принять контрастный душ и больше никогда не видеть и не вспоминать об этом.

Но самое большее, что я могла предпринять для очищения своей души, это открыть окно и впустить в палату воздух ночной московской улицы. Мало! Я снова вспомнила о гонге североамериканских индейцев, и это вдохновило меня. Теперь я точно знала, ради чего я готова провести еще несколько дней в этой больнице. При выписке меня ждал «бонус» от медсестры Людмилы – гонг североамериканских индейцев, способный привнести в воздух совре-

менной Москвы флюиды, знакомые моей душе по своему первому воплощению на этой грешной Земле...

Глава 4

Сегодняшнее утро не предвещало ничего интересного. Я чувствовала, что мной полностью овладевала хандра, но я попыталась бороться сама с собой. Когда я поняла, что мне лень поддержать пять минут термометр под мышкой, я решила вложить в процесс измерения температуры своего тела более глубокий смысл, но для этого надо было сначала совершить хотя бы небольшой экскурс в астрал. Как на зло, я не могла ни на чем сконцентрироваться. Казалось, что нет ни одного вопроса, который занимал бы меня более, чем другой. А это означало, что путешествие по бескрайним просторам подсознания не состоится. Стоило поискать другое развлечение.

Больничный завтрак был из разряда наказаний, потому что отлучал меня от крепкого кофе. Я вдруг почувствовала в себе поэтический дар, поскольку в голове вертелось несколько рифмованных строк, восхваляющих этот тонизирующий напиток, но вошедший в палату Александр Геннадиевич перебил мои стихотворные упражнения.

Он делал утренний обход, причем в одиночестве и в непривычной суете. С одной стороны, я обрадовалась тому, что не было многочисленной «делегации», интересующейся моим здоровьем, потому что мне не хотелось встречаться ни с профессором Волынским, ни с его любвеобильным коллегой. С другой стороны, взволнованно-растерянный вид Александра Геннадиевича меня озадачил.

Я почувствовала, что у него проблемы, и, возможно, из-за меня. Он явно избегал встречаться со мной своим взглядом.

– Что-то случилось? – поинтересовался я. – У меня плохие анализы или, наоборот, слишком хорошие?

Александр Геннадиевич бросил на меня стремительный взгляд, прочитать который я не успела. А потом он снова уткнулся в бумаги, будто в них был ответ на мой вопрос. Он лихорадочно перелистывал страницу за страницей, сначала мне показалось, что он просто делает видимость, будто моя история болезни очень интересует его, но вдруг он сказал:

– Нашел! Вчера вечером поступила женщина, она все еще без сознания... Кое-какие параметры почти совпадают с вашими...

– Температура? – попыталась отгадать я.

– Не только, – ответил Александр Геннадиевич. – У вас аналогичные отличия в структуре правого и левого полушарий и еще...

– Что? – почти выкрикнула я, подсознательно чувствуя, что сейчас получу от врача так необходимое мне лекарство от скуки.

– У нее была когда-то проведена трепанация черепа в области лба... у нас такие операции не делают... Это даже Волынский признал. Я высказал предположение, что эта трепанация проведена где-нибудь в Китае с целью открытия «третьего глаза», а меня подняли на смех...

– Смелое предположение, – сказала я. – Я читала о таких операциях, но, честно говоря, мне с трудом верится, что на такое кто-то может решиться.

– Вот, даже вы, Ольга Антоновна, считаете, что я спятил. От вас я такого не ожидал...

– Я так не сказала, вы зря обиделись. Мне вот вчера сказали, что я – это не я... будто бы без сознания была не я, а моя сестра-близняшка, и то я не обижаюсь. Между прочим, у меня была сестра-близняшка, Наталья, но она умерла несколько лет назад.

– Простите этого человека. Я знаю о ком вы говорите. Он не хотел вас обидеть. Кстати, я договорился с профессором, чтобы вас не переводили в общую палату, – говорил мне Александр Геннадиевич, продолжая изучать историю болезни.

– Да, нет, я не против, если надо, я могу и в другую палату перейти, а эту освободить для тяжелобольного, – сказала я, решив, что на людях я буду меньше скучать, да и не придется опасаться, что вчерашний гость предпримет очередную попытку охмурить меня.

– Нет, ни в коем случае, – решительно заявил Голявин и пристально посмотрел на меня, оторвавшись от бумаг. – Нет, в общей палате не будет такой чистоты научного эксперимента. Другие пациенты будут влиять на ваше биополе... нет и еще раз нет! Вы должны быть в палате одна!

– Ладно, – неохотно согласилась я и уже хотела расспросить Александра Геннадиевича о пациентке с «дыркой во лбу», но его вызвали в ординаторскую, и мое любопытство осталось неудовлетворенным.

Я вышла из палаты, надеясь что-нибудь разузнать о женщине, параметры которой были похожи на мои. В конце коридора я заметила санитарку тетю Любу и пошла за ней. Я предположила, что именно она может пролить свет на многие интересующие меня вопросы.

Когда я проходила мимо ординаторской, из приоткрытой двери до меня донесся чей-то незнакомый голос.

– Если она придет в сознание, немедленно сообщите мне, даже если это произойдет среди ночи, – спокойно, не повышая тона, сказал мужчина. – Юрий Яковлевич, как по-вашему, есть вероятность, что она выживет?

Я не могла пройти мимо, чтобы не дослушать этот разговор. Я была почти уверена, что речь шла именно о той женщине, которая меня интересовала. Я остановилась и, на всякий случай, сделала вид, что рассматриваю плакаты о методах оказания первой помощи при различных травмах, прикрепленные к стене, как раз возле этого кабинета, а сама наострила уши.

– Вероятность мала, – осторожно высказался профессор. – У нее ушиб головного мозга, кровоизлияние... Даже если она придет в сознание, скорее всего она не сможет адекватно реагировать на окружающую ее действительность.

Мне показалось, что Волынский был не слишком уверен в том, что говорил.

– А вы тоже так думаете? – обратился незнакомец к кому-то другому.

– Если у нее шансы и есть, то очень и очень маленькие, – уклончиво ответил Александр Геннадиевич.

За дверью послышался шум приближающихся шагов, и я быстро отошла от ординаторской, но встала так, чтобы разглядеть того, кто справлялся о здоровье женщины. Интуиция подсказывала мне, что они говорили о той, у которой была трепанация черепа.

Вид мужчины, вышедшего из кабинета, совсем не говорил о том, что он расстроен тяжелым состоянием своей знакомой или родственницы. Мы какое-то время двигались навстречу друг другу, я в наглуую смотрела на него и не видела ничего, никаких эмоций: ни удовлетворения от полученной информации, ни озадаченности тем, как дальше будут развиваться события. Лицо было привлекательным и отстраненным, поскольку красивый разрез глаз сочетался с холодным взглядом. Едва мы поравнялись, я поняла, что не могу вспомнить его лица, оно точно расплылось в тумане. Я оглянулась, чтобы посмотреть ему вслед, но он уже свернул к лестнице, и я поймала себя на мысли, что совсем не запомнила, в чем он был одет. Было ясно, что биополе этого человека закрыто! Это обстоятельство озадачило меня еще больше.

Я решила заглянуть в ординаторскую, чтобы узнать, был ли там кто-то еще, кроме Волынского и Голявина, голоса которых я слышала. К моему удивлению дверь не поддавалась, значит, она была закрыта на замок. Там, несомненно, обсуждали что-то важное, не предназначенное для чужих ушей. В моем сознании женщина с «дыркой во лбу» обрастала аурой таинственности, а на подсознательном уровне она была мне недоступна, поскольку я еще не знала ее имени и не имела с ней зрительного контакта.

Любопытство до такой степени захлестнуло меня, что я мгновенно выработала план оперативных мероприятий. Я предполагала, что эта женщина могла находиться в третьей

палате, поэтому направилась туда, оглядываясь, не выйдет ли кто из ординаторской. Я открыла дверь третьей палаты, но оказалось, что она имела так называемый предбанник. А далее за стеклянными, но не прозрачными дверьми были видны очертания нескольких человек. Открыть вторые двери я не решилась, но прислушалась.

Сначала я услышала мужской голос, потом женский, причем женщина смеялась.

– Ну не надо, Андрей Вадимович, не здесь, – звонко пищал женский голосок.

– Тогда еще один анекдот...

Я мгновенно поняла, что Андрей Вадимович – это тот, кто приходил в мою палату поздно вечером. Теперь он развлекал молоденькую практикантку и попутно следил за состоянием больной, находящейся без сознания. Меня удивило, что он не ушел домой после ночного дежурства.

– Ты что здесь делаешь? – услышала я знакомый голос и вздрогнула.

– Тетя Люба, да я вас ищу, – мгновенно нашлась я.

– Меня? – спросила санитарка, смерив недоверчивым взглядом. – А что надо?

– Апельсины отдать хотела, у меня ими вся тумбочка завалена, а сегодня опять принесли...

– А почему сама их не ешь? – поинтересовалась тетя Люба.

– Ем, но мне их несут и несут, будто кроме апельсинов больше ничего не существует: ни яблок, ни груш, ни винограда, – говорила я, пока шла в сопровождении обрадованной санитарки в другой конец больничного коридора.

– А я люблю апельсины, я их даже с коркой ем, что добру пропадать, – вдохновенно говорила тетя Люба.

Она шла, опережая меня на два шага и тащила за собой оцинкованное ведро, на треть заполненное грязной водой, и швабру с тряпкой. Как раз, когда я поравнялась с ординаторской, щелкнул английский замок, и дверь открылась. Тетя Люба не придала этому никакого значения и продолжала двигаться вперед, а я на мгновение задержалась.

– Здравствуйте, – поздоровалась я с профессором и отметила, что он слегка смутился, увидев меня.

Александр Геннадиевич также находился в смятении, не решаясь выходить из ординаторской и топтался на месте. Я сделала безучастный вид и пошла дальше. «Чего же они так испугались? – размышляла я. – Наверно, они боялись, что я обладая ясновидением, узнаю какую-то страшную тайну».

Я отдала тете Любе полный полиэтиленовый пакет с апельсинами, та поставила его у порога и принялась мыть в палате полы. По идее надо было попросить ее поменять воду, но это замечание расходилось с моими интересами. Я хотела разговорить санитарку.

– Тетя Люба, а что за женщину вчера вечером привезли?

– Не знаю, – буркнула санитарка и переметнулась мыть полы под кроватью, на которой я сидела.

Мне пришлось залезть на койку с ногами и попробовать повторить свой вопрос.

– Ну, уж прямо вы, да и не знаете?

– А тебе что от нее надо? – спросила тетя Люба, резко поднимая голову.

Мы оказались с ней лицом к лицу, и я вдруг поняла, что тетя Люба не так проста, как я о ней думала. Мне надо было срочно придумать какое-то объяснение своему интересу, но я не могла. Санитарка же сверлила меня взглядом и ждала ответа. Я решила, что сейчас не время для подобных вопросов.

– Что вы уже вымыли под кроватью?

Тетя Люба едва заметно улыбнулась, и я поняла, что совершила сразу две ошибки. Во-первых, выдала свой интерес к новой больной, а, во-вторых, переоценила болтливость санитарки. Я больше ни о чем ее не спрашивала, она также молча домыла полы, взяла пакет и ушла.

«Сначала было такое раболепие, обрадовалась апельсинчикам, аж под кроватью бросилась полы мыть, – размышляла я, – а после моего вопроса перевернулась. Все это очень странно, а потому интересно. От меня явно хотят что-то утаить, но я все равно узнаю, ведь для меня тайного не существует».

Дело подошло к вечеру, но я узнала только одно, от меня тщательно скрывали все, что касалось новой больной.

Меня, как магнитом, тянуло к палате, в которой она лежала, и я предприняла еще одну попытку заглянуть за вторые двери.

– Туда нельзя, – строго сказала мне Софья Николаевна, вышедшая из палаты. – Вы кого-то ищите?

– Да, Александра Геннадиевича.

– Его там нет, идите лучше к себе, а я сейчас разыщу доктора и скажу, чтобы он зашел к вам. И здесь вертеться не надо!

– А я и не верчусь, – недовольно ответила я ей и не спеша пошла обратно.

Я чувствовала, что старшая медсестра смотрела мне вслед и открыла дверь в манипуляционную только после того, как я стала заходить в свою палату. «По-моему, каждый мой шаг, начинают контролировать, – решила я. – Ведь рядом с той палатой стояли двое больных, но им Софья Николаевна ничего не сказала, они, наверное, там до сих пор стоят, а мне почему-то нельзя».

Вскоре зашел Голявин, и я решила поговорить с ним напрямую.

– Александр Геннадиевич, помните, мы говорили с вами о том, что экстрасенсорные способности чаще раскрываются спонтанно, а не по заказу. Где-то там наверху за нас решают, когда надо включить полное ясновидение. И вот я чувствую, что такой момент пришел. Вы подключите ко мне свою аппаратуру, а я выйду в астрал и узнаю, все, что касается этой больной, той у которой «дырка во лбу». Вы же хотите узнать, правильна ли была ваша догадка о том, что трепанацию черепа ей сделали, чтобы открыть «третий глаз». Я это непременно выясню. А заодно узнаю, случайно или нет она ударилась своим лбом... Уверяю вас, что вы получите именно те результаты, которые ждете...

Я немного умерила свой пыл и стала говорить тише и с расстановкой, потому что Голявин слушал меня без энтузиазма и, с опаской поглядывая на дверь.

– Понимаете, что больше такого шанса вам может не предоставиться. А так вы сможете узнать и зафиксировать, какие процессы происходят в мозге человека, да и во всем его физическом теле, когда он выходит в астрал. Решайтесь, или вы с моей помощью делаете научное открытие или... не сделаете его никогда.

Я понимала, что я шантажировала Голявина его диссертацией, и это был запрещенный прием, но, тем не менее, я это сделала. Теперь слово было за ним. Но Александр Геннадиевич молчал, я видела, что внутри него происходила борьба. Он сел на стул и попеременно поглядывал то на меня, то куда-то вдаль, сквозь окно палаты, и никак не мог решиться принять мое смелое предложение.

– Вы чего-то боитесь? – спросила я, почувствовав, что размышления Голявина зашли в тупик. – Тогда скажите мне прямо, что вас беспокоит?

– Меня беспокоите вы и боюсь я только за вас, – ответил Александр Геннадиевич, зацепившись за мои подсказки. – Я хорошо знаю теорию выхода в астрал и прекрасно понимаю, что это опасно, что оттуда можно и не вернуться... Я не могу вами рисковать... А что касается той женщины, о которой вы говорите, поверьте мне, она не стоит того, чтобы ради нее рисковать... она просто-напросто не представляет никакого интереса ни для меня, ни... ни для кого. Насчет «третьего глаза» я тогда ошибся, сам не знаю, почему я так решил. А вам, Ольга Антоновна, нужен полный покой... да, я, как ваш лечащий врач, запрещаю вам любые утомительные занятия, активные прогулки по больничному зданию и, конечно, по астралу.

Я поняла, что Голявину стало известно о том, что я дважды за сегодняшний день пыталась проникнуть в третью палату, но он прямо об этом не говорил. Он продолжал морочить мне голову, а я-то, наивная, думала, что наш разговор будет откровенным. Я могла бы ему совсем не говорить о своем интересе к этой женщине, но я хотела помочь ему собрать материал для диссертации. Лично мне совсем не нужны были данные, подтверждающие наличие у меня исключительных экстрасенсорных способностей, я о них давно уже знаю, мне только хотелось узнать от него имя этой женщины. Но Александр Геннадиевич, также как и все остальные, скрывал от меня что-то важное, и этим он очень задел мое самолюбие.

– Вы мне запрещаете использовать мои экстрасенсорные способности, – с усмешкой сказала я. – Странное дельце! Еще сегодня утром у вас были совсем другие намерения, и вдруг что-то изменилось! Не хотите мне говорить правду, ну и не надо! Я все узнаю сама! Вы не можете мне запретить пользоваться моим «третьим глазом» и другими способностями, потому что этот дар дан мне свыше... Да что вы, вообще, можете знать обо мне! Если бы я каждый раз спрашивала чьего-нибудь разрешения, то я никогда бы не разделалась ни с Захаром, этим нелюдем, погубившим столько ни в чем неповинных людей, ни с Бесом, принимавшим обмен автовладельцев и угнавшим не один десяток машин, ни с энергетическими слепнями, принимавших порой бережливость и экономность за жадность и доводящих людей до полной нищеты. Никто, понимаете, никто не давал мне разрешения на это... Но я это сделала, потому что в этом состоит смысл моей жизни, в этом мое земное предназначение! И если вы этого не понимаете, то вы никогда не напишите свою диссертацию. Вот так!

Я закончила свой монолог и только после этого заметила, что Александр Геннадиевич улыбался. Сначала я подумала, что моя словесная тирада затронула совсем не те струны его души, как мне хотелось бы, а потому вызвала у него насмешку. Но его глаза смотрели на меня ласково и проникновенно, и я поняла, что это была вовсе не насмешка, а улыбка восхищения.

Тем не менее он не сказал мне больше ни слова, встал и вышел, дав понять, что право пользоваться моим природным даром остается за мной.

Нет, я не радовалась тому, что отстояла свои права, я впервые задумалась о том, стоит ли лезть туда, куда не просят. Я поразмыслила и поняла, что мне трудно отказаться от моей идеи «фикс». Таинственная женщина из палаты номер три завладела всем моим сознанием, и просто так выбросить ее из своей головы я не могла. Только я подумала о том, что ситуация безвыходна, как мне на ум пришло простое решение. Я вспомнила слова Белой Лилии, владелицы одноименного салона парапсихологии, с которой мне довелось общаться, когда я искала выход на энергетических слепней. Белая Лилия дала мне очень простой, но важный совет: «Ни в коем случае нельзя приниматься за новое дело, не сделав запрос из Высшего Разума о том, можно или нет вмешиваться своей энергетикой в естественный ход событий».

И я сделала такой запрос, чтобы выяснить, что же мной движет – желание развлечься, преодолеть скуку или нечто большее. Под этим большим я имела в виду, что, разгадав тайну, я смогу предотвратить чей-то злой умысел.

* * *

Александр Геннадиевич Голявин боялся именно того, что Ольга Калинова будет расспрашивать у него о больной, о которой он сам утром ненароком обмолвился при обходе. Тогда доктор еще не знал, что это запретная тема. До этого он имел неосторожность высказать предположение о раскрытии «третьего глаза» хирургическим путем, вызвал этим бурю насмешек от коллег, а потом оказалось, что он был прав.

Это теперь он осознавал, что если бы он тогда промолчал, то проблем было бы меньше. Ему не нравилось происходящее в больнице, потому что совершенно посторонние люди вмешиваются в лечащий процесс. Голявин чувствовал, что своим «длинным языком» доставил

немало хлопот профессору Волынскому и всем остальным. Теперь все следили друг за другом и, конечно, за Ольгой Калиновой. Чтобы избежать некоторые проблемы, Александр Геннадиевич даже предложил выписать Ольгу, но Волынский не решился на это.

– То, что Кириллова не жалец – это очевидно. Похоже, что мы ничем не сможем ей помочь, да нам и не дадут это сделать. И рисковать из-за нее здоровьем Калиновой я не могу, – почти шепотом говорил Юрий Яковлевич Голявину, когда их посетитель вышел. – Выписать на четвертый день после коматозного состояния – это преступление! Да почему она, вообще, должна интересоваться Кирилловой? Разве они знакомы?

– Скорее всего, нет, – пожал плечами Голявин, даже не думавший признаваться, что сам уже проболтался кое о чем. – Просто этот тип откуда-то узнал, что у нас есть ясновидящая пациентка. Кто-то из наших стучит.

– Мне кажется, я знаю кто, – проговорил заведующий отделением, но называть имя стукача не стал. – Надо сделать так, чтобы Калинова ничего не слышала о Кирилловой.

Вот именно после этих слов Волынский и Голявин открыли кабинет и увидели, что Ольга, обычно не выходявшая из своей палаты, шла из запретной для нее зоны.

«Что она делала в том крыле?» – спросили глаза профессора. «Просто гуляла по коридору», – попытался внушить его ассистент.

И вот в самом конце рабочего дня непредсказуемая Ольга Калинова захотела его увидеть. А предложение выхода в астрал под контролем медицинских приборов было слишком несвоевременным. Профессор Волынский считал, что если Калинова не будет соблюдать полный покой, у нее может резко ухудшиться самочувствие. Сам Голявин был вынужден приостановить свои научные исследования взаимосвязей паранормальных способностей человека и его физиологии.

Виной этому была Кириллова...

Александр Геннадиевич ехал домой и вспоминал Ольгину страстную речь, она была похожа на внезапно сорвавшуюся снежную лавину. Он чувствовал, что находится под воздействием ее мощной энергетики и выбраться из-под этого влияния еще долго не сможет.

Голявин думал об Ольге. Сегодня вечером он впервые посмотрел на нее не как на пациентку, не как на экстрасенса, а как на очень привлекательную и страстную женщину. «В ее глазах было столько огня! Почему я раньше не замечал ее красоты? Только бы она не надевалась глупостей! Впрочем, если делать глупости, то вместе. Она сможет вить из меня веревки, потому что она самая... самая...» – думал Александр, но так и не придумал подходящего для нее слова.

Глава 5

Кириллова Вера Васильевна много раз за свою сорокалетнюю жизнь читала в общественном транспорте, что «во избежание падения при экстренном торможении необходимо держаться за поручни», но никогда не предполагала, что кто-то, когда-то придумал эту косноязычную формулировку специально для нее. И вот однажды она не доехала всего одну остановку до своего дома, потому что не смогла удержать равновесие, когда трамвай резко затормозил. Кириллова ударилась лбом о тот самый поручень, который должен был, напротив, «спасти ее».

Вере Васильевне, в отличие от всех остальных пассажиров, надлежало быть особенно внимательной и осторожной, потому что полгода назад ей была сделана трепанация черепа в области лба.

Несчастный случай, произошедший с Кирилловой, наделал большой переполох в больнице, куда она попала без сознания, с ушибом головного мозга и без шансов на выздоровление. О ее судьбе и здоровье беспокоились отнюдь не родственники. Вера Васильевна была одинокой и, как принято говорить, старой девой...

Вера Кириллова еще в школе поняла, что она некрасива и совсем не нравится мальчикам. Она возненавидела своих родителей, потому что в наследство от них ей достались самые некрасивые черты их лиц и изыяны фигур. У нее был папин огромный нос с горбинкой и мамина выделяющаяся вперед верхняя челюсть, придающая лицу некое сходство с кроликом. Ее даже в школе звали за глаза «Мисс Грызун», но она знала об этом обидном прозвище и частенько плакала дома, закрывшись от родителей в своей комнате. Она разглядывала себя в зеркало и видела лишь сплошные поводы для расстройств: оттопыренные уши, редкие непослушные волосы, сутулые плечи, впалая грудь и кривые короткие ноги.

Вера слышала, как мать не раз говорила отцу, что лучше бы ей родиться не девочкой, а мальчиком, а отец соглашался, потому что именно о сыне он всегда и мечтал. От этого Вера ненавидела себя и родителей еще больше и однажды даже хотела выпрыгнуть из окна, чтобы свести счеты с жизнью, но звонок в дверь отвлек ее. К ней пришли и сообщили, что ее родители попали на своем «Запорожце» в аварию. Отец умер сразу, а мать еще какое-то время жила и скончалась по дороге в больницу.

Случилось странное. Родители своей смертью спасли жизнь своей дочери, за которую та не давала и гроша. Тогда Вера была уже студенткой первого курса, отличницей. Ее сокурсницы бегали на свидания, ходили в театры и кино, а у нее не было даже подруги. Ее почему-то все сторонились.

Особенно Вера не любила Ленку Петрову, первую из группы вышедшую замуж. Петрова казалась Кирилловой такой же некрасивой как и она сама, и Вера никак не могла понять, почему Ленка всегда была жизнерадостной и просто светилась от счастья, хотя она и улыбалась своей улыбкой с редкими зубами, а все лицо было в прыщах.

Был повод задуматься о том, что можно быть некрасивой и счастливой. Но Вера этого не сделала. Она решила, что Ленка Петрова – это редкостное исключение из всех правил.

Кириллова только год проучилась на дневном отделении, потому что родители не оставили ей сбережений, а стипендии едва хватало на жизнь. Вера перевелась на вечернее отделение и устроилась на работу. Когда она получила диплом бухгалтера, у нее уже был опыт работы, и она быстро пошла вверх по служебной лестнице.

Ее голова была целиком забита бухгалтерскими проводками, балансами и отчетами, она совершенно не имела времени, чтобы рассматривать себя в зеркало и сокрушаться о своей некрасивости. Кириллова стала главным бухгалтером крупного предприятия, не доверяла никому из своих подчиненных, перепроверяла за ними каждую цифру и порой чувствовала себя счастливой, поскольку обладала «властью».

Десять лет от одного годового отчета до другого, пролетели очень быстро. Вдруг в стране настали перемены. Предприятие, где работала Вера Васильевна закрылось, потому что станки, которые выпускались на этом заводе, были уже никому не нужны. Кириллова быстро сориентировалась в рыночной экономике и стала заниматься аудитом. Она никогда не была без дела и зарабатывала очень приличные деньги. Она не представляла себе, что такое бегать по магазинам в поисках более дешевых продуктов. Ее вполне устраивали цены в «Ново-Арбатском» или «Смоленском» гастрономах. Вера могла позволить себе каждый день ходить на работу в новом наряде и, на зависть соседке, имела две дубленки – короткую и длинную, и две шубы – норковую и из чернобурки.

Кириллова могла бы купить себе престижную машину и два раза в год ездить отдыхать на различных островах и уже тем более могла оплачивать услуги мужчины по найму, но она копила «зеленые» на другое. Она решила сделать несколько пластических операций.

Сначала она думала, что самые дорогие и модные вещи смогут сделать ее хоть чуточку красивее, но она ошиблась. Ей казалось, что блеск золота и бриллиантов только подчеркивает оттопыренность ее ушей и впалость груди, а высокие каблукы, широкие брюки или юбки-мини не скрывают кривизны ее коротких ног. Кириллова даже не догадывалась, что ее соседка, седьмой год носившая уже облезлый китайский пуховик, и перешивавшая тринадцатилетней дочери свои вещи, завидовала ей черной завистью.

И вот Вера Васильевна подвела итоги и пришла к выводу, что ее сбережений вполне должно хватить на все пластические операции и на целый год вынужденной безработицы. Она осознавала, что потеряет хорошую работу, но красота, по ее мнению, настоятельно требовала этой жертвы. Иметь красивые лицо и фигуру – это все, о чем мечтала тридцатидевятилетняя состоятельная и одинокая москвичка.

К выбору фирмы, где бы ей сделали пластические операции, Кириллова подошла однобоко. Нет, она наводила справки о светилах пластической хирургии и о том, в каких клиниках омолаживали свое лицо и убирали лишние килограммы звезды российской эстрады, театра и кино, а также жены известных политиков. Вера Васильевна использовала свои связи и доступные ей каналы информации, но выбрала частную клинику, финансовое состояние которой было самым устойчивым. Ей казалось, если главный бухгалтер знал свое дело на сто десять процентов, то там и хирурги не могут быть плохими.

Более того, в такую выгодную клиентку, как она, по мнению Кирилловой, должны были вцепиться руками и ногами, но ее, как ни странно, стали отговаривать.

Интересный пятидесятилетний мужчина пытался убедить Веру, что ей вовсе не надо что-то менять в своей внешности, потому что она и так очень привлекательная.

– Поймите, вы можете потерять ту изюминку, которая вас всегда выделит среди других женщин. Неужели вы хотите стать серой мышкой, чтобы мужчины перестали бросать на вас восхищенные взгляды и дарить эти милые побрякушки, – сказал хирург, остановив свой взгляд на серьгах с большими бриллиантами.

Вера Васильевна, уши которой никогда не слышали мужских комплиментов, растаяла и готова была принять все услышанное на веру. Она даже не пыталась возразить, что на нее никто никогда не бросал восхищенных взглядов и уж тем более не дарил драгоценностей. Она слушала красивую льстивую речь и чувствовала, как меняется ее восприятие самой себя. Она как бы невзначай поглядывала на свое отражение в зеркале и обнаруживала в себе те самые красивые глаза и нежные губы, о которых говорил мужчина – хирург.

– Вы должны еще раз хорошенько подумать, прежде чем решиться изменить свое неповторимое лицо. И уж если это произойдет, тогда и будем говорить о деталях. Но лично мне нос с горбинкой нравится гораздо больше, чем курносый. Вот так! Я раскрыл вам свой маленький секрет. Скажите, Вера Васильевна, а вы не думали о том, что вам надо менять не черты лица и объем груди, а свое мировоззрение?

Кириллова слушала завораживающий голос и не сразу поняла, что ей был задан вопрос. Когда последняя фраза все-таки «догнала» ее сознание, то Вера от растерянности пожала плечами.

– Ох, женщины! Вы так загадочны, что порой не понимаете сами себя! Но это поправимо. Если хотите, я посоветую вам, куда можно обратиться, где научат вас познать себя и изменить свою жизнь.

– Хочу, – ответила Вера так, будто она пришла сюда именно за этим.

– Возьмите, – сказал хирург и подал Кирилловой небольшой листочек. – Вот, если вы сходите туда, пообщаетесь с очень интересными людьми и решите, что вам надо все-таки менять лицо, данное вам природой, тогда милости прошу. Тогда мы будем сидеть с вами за этим компьютером и подбирать те носы, уши и губы, которые вам понравятся.

Вера Васильевна вышла из клиники и еще долго не могла понять, что же с ней произошло. На следующий день в фирме, где она делала аудиторскую проверку ее забросали комплиментами, а один из бухгалтеров пригласил провести вместе вечер, но она отказалась. Кириллова поняла, что влюбилась в хирурга, который вчера своими словами сотворил настоящее чудо – заставил почувствовать красоту своего тела. Она и не могла не послушаться его совета, а потому в ближайшую субботу пошла в клуб «Просветление».

Она не знала, что хочет там для себя найти, но в клуб направил ее ОН, имя которого Вера даже не знала.

В малом зале бывшего кинотеатра собралось около тридцати человек, как мужчин, так и женщин. Кто-то был уже знаком между собой, но многие пришли сюда впервые. Мария, хозяйка клуба, была, на взгляд Веры, некрасивой, но светилась каким-то внутренним светом. Мария говорила очень простые и важные слова о том, что каждый человек должен быть счастлив и уметь находить радость в самых обыденных вещах. Кириллова сразу поверила в то, что обладает огромным внутренним потенциалом, чтобы преодолеть одиночество и обрести любовь.

Теперь Вера Васильевна жила от субботы до вторника, от вторника до четверга, а от четверга до субботы.

Общение по этим дням в клубе «Просветление» с единомышленниками стало смыслом ее жизни. Она больше не думала о пластических операциях, потому что ощутила себя красивой и счастливой.

А еще она поняла, что проблемы одиночества для нее больше не существует, что она вполне самодостаточная личность. Она по-новому посмотрела на свое прошлое. «Нет, это не я была никому не нужна, это мне был никто не нужен», – сделала вывод Кириллова.

Как всегда по вторникам были коллективные медитации, позволяющие проникать в сокровенные тайны своей души. Почему-то в этот вечер у Веры ничего не получалось. Она не могла достигнуть полной расслабленности тела и ума, а они требовали медитации. Неудача постигла ее и в четверг, когда было индивидуальное занятие с Марией. В субботу после лекции Вера призналась Марии, что «голод» по медитации становится для нее нестерпимым.

– Есть только одно средство, – сказала ей хозяйка клуба «Просветление».

– Я согласна на все, – твердо произнесла Кириллова Вера Васильевна, и эти слова стали ее приговором.

Меньше чем через год с ней произошел несчастный случай и вокруг ее персоны возник переполох. Одни хотели знать, что же произошло с ней до травмы, полученной в трамвае, других больше волновало то, что произойдет потом, если тайное вдруг станет явным.

Глава 6

– Там опять апельсины? – спросила я свою подругу Дашу, быстрым шагом вошедшую в палату и бросившую пакет на тумбочку.

– Нет, из фруктов только яблоки. А ты апельсинов хочешь, да? Я сейчас сбегая в магазин...

– Ни в коем случае! – почти выкрикнула я, остудив Дашин пыл.

Я заметила, что подруга нервничала, все ее движения были резкими, а глаза, можно сказать, на мокром месте. Даша была профессиональным психологом и поэтому умела контролировать свои эмоции. Только очень серьезная причина могла вывести ее из душевного равновесия. Я даже не знала, на что подумать.

– Рассказывай, – без предисловий попросила я. – И даже не пытайся доказывать мне, что у тебя все нормально.

Даша шмыгнула носом, стряхнула со щеки предательскую слезу и сказала страдальческим голосом:

– Ольга, я пришла к тебе за советом, точнее за помощью, а еще точнее, у меня к тебе просьба. Я понимаю, что это почти наглость с моей стороны... ты ведь болееешь...

– Не томи своей пустой болтовней, давай ближе к делу. Даша, ты же знаешь, что я не откажу тебе. Рассказывай, что случилось!

– Ольга, ты помнишь Петра?

– Конечно, помню. Этот тот опер, который искал джип Васику и к которому ты ушла от Данилевского, и который живет теперь у тебя?

– Да, это он. Мне кажется, – Даша тяжело вздохнула, немного помолчала, а потом продолжила, у него есть другая, но он не хочет мне в этом признаться.

– А зачем он должен в этом признаваться? – вылетело у меня с языка, и я подумала, что Даша на меня обидится.

Но подруга продолжила мою мысль.

– Вот именно! Я сказала ему, что не позволю морочить мне голову. Я не верю, что за последний месяц ему не дали ни одного выходного, это при том, что раньше девяти вечера он домой не приходил. А сегодня у него день рождения, я приготовила праздничный ужин... Петр обещал, что будет не позже семи, а час назад позвонил и сказал, что останется на работе до утра. Скажи, Ольга, разве в это можно поверить?

Я не успела ничего ответить, потому что Даша уже продолжала:

– Можно подумать, что кроме него больше никого нет, он один-единственный и незаменимый, поэтому даже в день рождения должен бегать за преступниками. Не верю!

– Я даже не знаю, что тебе сказать. У оперов, конечно, ненормированный рабочий день, ну не до такой же степени, чтобы совсем не отдыхать и не отмечать дни рождения...

– Ольга, ну ты же можешь мне точно сказать, есть у него другая или он, действительно, круглосуточно за преступниками гоняется. Мое сердце просто разрывается от ревности, я должна знать правду...

– Хорошо, я сделаю запрос, но ты должна мне пообещать, Даша, что возьмешь себя в руки и не будешь сходить с ума, если твои подозрения подтвердятся.

Даша серьезно подумала над моими словами. Вероятно она мысленно проиграла несколько возможных сценариев, наконец, твердо ответила:

– Обещаю, что я не буду рыдать, бить посуду с салатами и устраивать сцену ревности. Я просто позвоню ему и скажу, чтобы забрал свои вещи... нет, не позвоню, я скажу это, когда он придет ко мне...

Я поняла, что Даша сможет справиться с негативной информацией. Я видела, что ее ярко-красная аура стала бледнеть и теперь лишь оранжевые вспышки на розовом фоне говорили о том, что ревность – сильное чувство, но его можно укротить, особенно если ты профессиональный психолог.

Я вспомнила лицо Петра и, мысленно удерживая этот портрет, сформулировала вопрос, ответ на который должно было выдать мое подсознание. В момент максимальной концентрации портрет Петра ожил, словно он был стоп-кадром, а потом закрутилось немое кино. Я видела Дашиного возлюбленного в кабинете на совещании, на каком-то чердаке с пистолетом в руке, в милицеском УАЗе, снова в кабинете, потом в Дашиной квартире около накрытого стола с каким-то свертком в руках.

– Никого кроме тебя у него нет, точнее кроме милиции и тебя. А сейчас он, по-моему, послал свою оперативную работу подальше, пришел к тебе, в предчувствии праздничного ужина... Но ты куда-то исчезла, оставив подарок в синей блестящей упаковке...

– Нет, этого не может быть! – изумилась Даша. – Еще только шесть часов, а он сказал, что не сможет вырваться до утра... Хотя, если ты увидела коробку именно в синей подарочной упаковке, о которой я тебе ничего не говорила, значит, все сказанное тобой правда. Как это здорово иметь ясновидящую подругу!

В Дашиных глазах вспыхнули искорки счастья, а аура окрасилась в ровный нежно-розовый цвет. Мою душу наполнило чувство морального удовлетворения от того, что я смогла так быстро и легко помочь своей подруге.

– А у тебя как дела? Что говорят врачи? Долго еще тут отлеживаться? – забросала меня вопросами Даша.

Мне надо было бы отправить ее немедленно домой, но теперь я стала загружать Дашу своими проблемами.

– Знаешь, тут происходит что-то странное, и мне хотелось бы это выяснить прежде, чем меня отсюда выпишут. Профессор Волынский сказал, что выпишут через четыре дня, один уже прошел... Боюсь, что мне не хватит времени...

– Да ты толком скажи, что происходит. Мне интересно! Может я чем-то смогу тебе помочь?

Даша говорила вполне искренне и почему-то не очень спешила домой к имениннику, вероятно, она хотела помучить Петра ожиданиями. Пожалуй, в ее ситуации я поступила бы точно также, заставила бы себя ждать и вернулась бы только тогда, когда он стал бы терять надежду на мое возвращение.

– Понимаешь, рассказывать толком нечего, потому что в условии задачи есть только одно неизвестное. Точнее, одна неизвестная женщина с «дырой во лбу»...

Я увидела на Дашином лице неподдельную заинтересованность и поняла, что надо продолжать.

– Она поступила сюда вчера вечером без сознания. Сегодня утром тот врач, который интересуется всякими паранормальными явлениями, я тебе о нем рассказывала, проговорился, что будто бы у нее хирургическим путем был открыт «третий глаз».

– Такое возможно? – спросила Даша, округлив глаза.

– В принципе, да. Такая операция увеличивает вероятность открытия «третьего глаза» почти до девяноста процентов. Я захотела узнать об этом поподробнее, но вокруг нее точно железный занавес опустили. К палате, где она лежит, мне подходить запрещают... А что самое важное, я не могу узнать ее имя и поэтому не могу запросить о ней никакой информации, – я перешла почти на шепот. – Правда, один запрос я все-таки сделала. Я знаю, что она жертва действий темных сил и что немаловажно – не последняя.

– Дела! – произнесла Даша также шепотом, но с большим чувством. – Я так понимаю, остановить тебя уже нельзя. Ты не успокоишься, пока не распутаешь этот клубок.

– Вот именно! Но для начала мне надо узнать ее имя. Конечно, можно сделаться невидимой и попробовать отыскать ее историю болезни или прочитать записи в приемном отделении о поступлении больных, но... Здесь есть сразу три «но»...

У Даши в сумке зазвонил мобильник.

– Это – Петр, – уверенно сказала подруга, еще не посмотрев, какой номер высветился на дисплее ее телефона. – Я ведь подарила ему сотовый... Алло... Ты же сказал, что не придешь, и я поехала в больницу к подруге... да, к Ольге Калиновой... Спасибо, передам... Значит, тебе понравился мой скромный дар?.. И ты до утра никуда не уйдешь?.. Тогда жди меня, правда, я не знаю, когда вернусь... Пока.

– Ты что подарила ему подключенный мобильник, да еще деньги на счет положила? – удивилась я. – Это не чересчур?

– Представь себе, – смутившись, ответила Даша. – Но я это сделала скорее для себя, чем для него. Знаешь, как это ужасно лежать ночью и думать, жив он или... А так хоть позвоню, услышу голос и успокоюсь. Аппарат я ему дешевый купила, на федеральный, а не на городской номер подключила и сумму самую минимальную внесла на счет. Да он и сам бы мог себе это позволить, но ему все времени не хватает... Слушай, Ольга, у меня есть идея! Я попрошу Петра узнать что-нибудь об этой женщине. Ему это будет проще, чем нам.

– А что, попроси, – ухватилась я за эту идею. – Я ведь ему тоже однажды помогла, когда он запутался в свидетельских показаниях, я тогда определила, кто говорил правду, и блокировки из подсознания его шефа сняла. Знаешь, Даша, не томи ты Петра, поезжай домой. А завтра мне позвонишь, ладно?

– Да, позвоню. А ты поешь, там салатики: «оливье», крабовый. А то ты уже похудела... Ну я пойду, ты не обидешься?

– Конечно, я буду ждать твоего звонка. Пока, – попрощалась я с Дашей и поняла, что во мне впервые за время болезни проснулся прямо-таки зверский аппетит.

Глава 7

Когда Даша вернулась домой, Петр Костюков забивал в электронную записную книжку полученного в подарок мобильного номера телефонов своих знакомых и родственников. Он был несказанно рад этому подарку и решил, что с первой же зарплаты, не дожидаясь никакого праздника, обязательно подарит Даше что-нибудь неожиданное и запоминающееся. Петр был уверен, что такой ответный ход был необходим, потому что не любил оставаться в долгу. Он уже забыл, что выбрать подарок, который, действительно, пришелся бы по душе женщине, обладающей изысканным вкусом и вовсе не скромными запросами, сложно.

С женой он разошелся три года назад. Костюков всегда был фанатом, всецело отдающим себя оперативной работе, и бывшая жена изводила его своими фантазиями на почве ревности. В конце концов, они разбежались. До того, как в его жизни появилась Даша, отношения Петра с женщинами носили кратковременный характер. Если ему и приходилось дарить им подарки на Восьмое марта или День Святого Валентина, то это были всего лишь скромные букеты цветов.

С Дашей Костюков познакомился, когда расследовал таинственные угоны автомобилей. Случилось так, что он увел ее от известного шоу-бизнесмена Валерия Данилевского. Можно сказать, что это была любовь с первого взгляда, превратившаяся в бурный роман. Он даже переехал к Даше, поскольку после развода жил с родителями, а у нее была отдельная квартира.

Даша не была похожа на тех женщин, которых он знал раньше. Возможно потому, что она была профессиональным психологом, их отношения складывались легко и просто. Рядом с ней он не чувствовал моральной ущемленности от того, что он жил в ее квартире и иногда ездил на ее машине. Хотя, до знакомства с Дашей Петр считал такое положение вещей унижительным для себя, поскольку, по его мнению, именно мужчина должен создавать подобный комфорт для женщины, а не наоборот.

Теперь Костюков просто признал тот факт, что у дамы его сердца очень состоятельные родители, обеспечивающие своей дочери условия для безработной жизни, и это не стало препятствием для того, чтобы он и Даша были вместе.

Нынешний август выдался «очень жарким» для уголовного розыска, и Костюков, буквально, дневал и ночевал на работе. Он уже привык к тому, что Даша с пониманием относилась к издержкам его профессии и даже не подозревал, что чаша почти ангельского терпения его девушки переполнена и вот-вот может разразиться скандал.

Это только женщины с особым трепетом относятся к дням рождения своих возлюбленных, а преступники не знают этих скромных дат в жизни оперов. Получив от своего осведомителя ценную информацию о планах на сегодняшнюю ночь одного, давно интересовавшего его отдела, бандита, Костюков должен был всю ночь просидеть в засаде на чердаке. Но неожиданно-негаданно он получил от своих коллег – гаишников подарок. Бандит по кличке Серый Волк, а по паспорту Сергей Волков, банально нарушил правила дорожного движения, был остановлен и узнан по распространенной утром ориентировке бдительным инспектором дорожно-патрульной службы.

Петр вернулся домой раньше обычного, не застал Дашу, но обнаружил ее ценный подарок. Изучение возможностей этой мобильной электронной игрушки доставило имениннику большую радость. Поэтому, когда Даша вернулась и обратилась к нему с просьбой узнать по своим каналам хоть что-нибудь о женщине, попавшей вчера вечером в результате несчастного случая в институт имени Склифосовского, Петр, даже не спрашивая, зачем нужна эта информация, вызвал из электронной памяти и так хорошо известный ему номер телефона.

Оказалось, что всего-навсего надо было поднять оперативную сводку за вчерашний день, чтобы узнать первичную информацию об интересующей особе. Там был зафиксирован только один случай, подходящий под Дашино описание по времени и возможному характеру полу-

ченной женщиной травмы. Во вчерашней милицейской сводке говорилось о том, что гражданка Кириллова Вера Васильевна, 1962 года рождения, в 21.45 в трамвае маршрута номер пятнадцать, при торможении на остановке «Автозаводской мост», не удержалась и ударилась о поручень лбом, потеряв сознание. Прибывшая по вызову бригада «скорой помощи», зафиксировала, что у Кирилловой была трепанация лобной части черепа. Удар пришелся именно по этому месту, в результате головной мозг пострадавшей, защищенный лишь мягкими тканями, получил сильный ушиб.

Петр Костюков далее позвонил следователю, выезжавшему на этот несчастный случай, и узнал, о чем говорили свидетели. Все утверждали, что пострадавшую пассажирку трамвая толкнуть никто не мог, а она просто не удержала равновесие.

Дежуривший вчера следователь поведал и о том, что Кириллова была вся увешена золотыми украшениями с бриллиантами. Майору показалось странным, что в десять часов вечера она ехала в трамвае, а не в такси, тем более в сумочке лежала очень приличная сумма денег.

По настоятельной просьбе Даши Петр узнал и адрес, по которому была зарегистрирована Кириллова, а также место ее работы – аудиторская фирма «Абак-М».

Все это море информации Костюков смог получить за какие-то двадцать минут, не выходя из дома. Петр четко знал, кому и с какими вопросами надо звонить. Правда, только один самый первый звонок он сделал со своего мобильного, быстро сообразив, что в целях экономии баланса лучше воспользоваться домашним телефоном.

* * *

Я и не ожидала, что пройдет чуть больше часа, и Даша позвонит мне и сообщит так много сведений о «засекреченной» пациентке. Едва ли кто в больнице знал теперь о ней больше, чем я... То ли еще будет, когда я воспользуюсь своими экстрасенсорными способностями, в которые некоторые не верят, и совершенно напрасно, – думала я. – Чуть позже, когда в больнице все лягут спать, я не буду спать, а буду путешествовать по астралу. Жаль, что мое состояние не будут фиксировать медицинские приборы. Я хотела помочь Александру Геннадиевичу, но от отказался... Все же он так странно на меня сегодня смотрел... Я чего-то не поняла в его взгляде, в таком удивленном и добром... Я чувствую, что его глаза говорили не о новой пациентке и не об особенностях нашего головного мозга. Но вот что? Об этом, пожалуй, я подумаю потом...

Глава 8

Я дождалась, когда медсестра в последний раз заглянула в мою палату, когда в коридоре и в холле погас свет и стихли все голоса. Последней уgomонилась за стенкой Раиса Аркадьевна.

Наконец, она перестала громогласно охать и стонать и, вероятно, заснула, напившись болеутоляющих и снотворных таблеток.

Я отключила свой сотовый телефон, чтобы чей-то случайный звонок не побудил меня вернуться из астрала раньше, чем это будет необходимо, поскольку я могла бы забыть все, что там увидела.

Мне предстоял серьезный сеанс ясновидения, поэтому все раздражающие факторы надо было устранить.

* * *

Люди, не обладающие экстрасенсорными способностями, обычно не понимают, что есть несколько степеней раскрытия «третьего глаза». Самая простейшая – это ауровидение. Мне, например, чтобы увидеть ауру другого человека не надо каких-то особых приготовлений, вроде вхождения в транс. Я даже не закрываю глаза. Я просто смотрю на физическое тело человека и даю задание своему подсознанию увидеть его астральное и ментальное тело, и... вижу. Это также просто, как заставить себя вспомнить о каком-то прошедшем событии.

Иногда только одного видения ауры мне бывает достаточно, чтобы ответить на вопросы. Ее цвет говорит о психологическом состоянии человека и даже о его физическом здоровье. Если в ауре присутствуют инородные структуры, то я знаю, что этот человек подвергается чужому биоэнергетическому воздействию. Это может быть заговор, проклятие, зомбирование, и, значит, этого человека надо спасать.

Если цвет ауры человека мне ни о чем особенном не говорит, то я перехожу на следующую ступень ясновидения. Я немного отключаюсь от внешнего мира и концентрирую свое внимание на заинтересовавшем меня объекте, нет, это еще не состояние транса, на данном этапе я обхожусь без него. В этот момент я как бы вижу человека насквозь: его чакры и энергетические меридианы, по которым циркулирует жизненная энергия. Если энергия циркулирует неравномерно, или даже застаивается совсем, можно смело утверждать, что в этой области у человека или уже есть или скоро будет болезнь. Но я редко пользуюсь своим «третьим глазом» как рентгеном. По-моему, эта способность пригодилась бы более врачам для правильной постановки диагнозов.

Меня же интересуют не собственные болезни человека, а наведенные – сглазы, порчи, заклятия, то есть все, что связано с воздействием на людей темных сил. Тут медики бессильны. Помочь «сглаженным» и «испорченным» могут только те, кто обладает экстрасенсорными способностями и хочет использовать их в борьбе со злом. Я из таких немногих людей. Я называю себя охотницей на ведьм.

Я много раз убеждалась в том, что победить темные силы можно лишь в том случае, если видишь врага и знаешь причины, побудившие его выбрать именно эту жертву. Для успешной работы надо установить энергетическую причинно-следственную связь между ведьмой и ее жертвой.

Для этого надо воспользоваться более высокой степенью или ступенью ясновидения. Вот тут уже не обойдешься без состояния транса, причем порой надо и самой входить в транс и вводить в него кого-то еще, если хочешь прочесть его мысли, тайные желания, увидеть поступки, совершенные в этой жизни.

А что делать, если корень зла лежит в далеком прошлом? Например, бывают родовые проклятия, которые передаются из поколения в поколение, так сказать, по наследству. А иногда одни и те же проблемы кочуют с душой из одного физического воплощения в другое.

В этом случае одного состояния транса недостаточно, необходимо выходить в астрал, отделить свое Я от физической оболочки, проникнуть туда, где можно найти ответы на любые вопросы, надо только знать, где и что искать. Прошлое, настоящее и будущее – безграничны, поэтому путешествие по астралу – это очень сложное и опасное дело, одна из высших ступеней ясновидения.

Далеко не все, кто способен видеть ауру, может выходить в астрал. Но встречаются и такие экстрасенсы, которые способны переносить на огромные расстояния мелкие вещи. Мне даже приходилось однажды бороться с астральным хулиганом, своровавшим у Даши ее колечко и взамен потом принес свой перстень... Но я использую свою способность выхода в астрал только для того, чтобы считать необходимую мне информацию.

Такая высокая степень ясновидения требует больших энергозатрат и сопряжена с определенным риском. Тончайшая серебряная нить, которой мое Я остается связанным с моим физическим телом, может случайно оборваться и тогда... Страшно подумать, что будет тогда. Вот почему важно убрать все внешние раздражители.

Есть еще более высокая степень открытия «третьего глаза» – это предсказание будущего, причем не какого-то одного конкретного человека, а более глобальное предсказание будущего целых народов, континентов, всей Земли. Мне это пока недоступно. Но я и не вижу себя в роли Нострадамуса. Я, Ольга Антоновна Калинова, охотница на ведьм.

Если бы я имела возможность смотреть на Кириллову Веру Васильевну, даже находящуюся в результате травмы без сознания, что сродни состоянию транса, я получила бы всю интересующую меня информацию о ней даже без выхода в астрал. Но моя задача значительно осложнена, значит, иного пути нет, придется рисковать.

* * *

Я размышляла о возможностях, которые дает ясновидение, и наблюдала за своими мыслями со стороны. Наконец, я почувствовала то внутреннее состояние, которое позволило мне сконцентрировать внимание на Кирилловой Вере Васильевне как на объекте, излучающем целую гамму модулированных электромагнитных, радиационных, тепловых и акустических колебаний. Теперь мое подсознание знало голограмму женщины, находящейся в палате номер три, поэтому во время астрального путешествия мое Я будет отбирать самую ценную информацию, касающуюся именно ее.

Я хотела знать, что побудило Кириллову пойти на сложную хирургическую операцию по открытию «третьего глаза», случайно ли она получила травму головного мозга, можно ли спасти ей жизнь и есть ли угроза того, что подобное произойдет с кем-то еще. Да, вопросов было много, и за ними просматривался еще один: «Кто за всем этим стоит?»

Концентрация достигла своего апогея, и мое Я вылетело из физической оболочки и устремилось на поиски нужных ответов. Мое Я встречало на своем пути некое сопротивление, напоминающее порывы ветра, стремящегося отбросить его то назад, то чуть в сторону. Невольно меняя траекторию, мое Я тем не менее, продвигалось вперед, едва успевая отклоняться от стремительно движущегося навстречу потока микрочастиц.

Это было похоже на движение по бескрайней пустыне, когда сухой жаркий ветер поднимает песок и норовит попасть непременно тебе в глаза, ты уворачиваешься, но, не успев отдышаться, получаешь новый удар по лицу горсткой хлестких песчинок. Ты боишься обмануться, потому что в пустыне тебя преследуют миражи, ты, в конце концов, к ним привыкаешь и пони-

маешь не сразу, что ручей, до которого ты дошел, все-таки настоящий. Только через время, осознав, что это реальность, ты бросаешься к ручью, пьешь, пьешь и не можешь напиться.

Так и мое Я летело над бескрайней пустыней от одного сгустка информации до другого, но не находило в них отображения той голограммы, которая его интересовала. Еще несколько бурных потоков микрочастиц встретилось на пути моего Я, заставляя зигзагообразно менять направление полета, прежде чем оно достигло своей цели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.